

Известия. - 1994. - 5 авг. - С. 8.

«Нельзя победить роль, не отправив в нокаут собственное сердце»

Он был призван Богом послужить авторитету искусства. И исполнил свое призвание. Иннокентий Михайлович Смокуновский — Артист, и этим все сказано. Ему поклонялись не только зрители, но и коллеги, и режиссеры. Он был олицетворением искусства. Его облик, его улыбка, его руки, его пластика, его голос — неповторимы. Кеша Смокуновский был странен, гениально странен. Об был юродивый русского театра. А русский театр, как сказал мне на днях патриарх режиссуры, хоть и начинается со скоморохов, но становится русским театром, когда появляется юродивый.

Князь Мышкин в знаменитом спектакле Товстоногова «Идиот» — эта обнаженная, без покрова, совестливость, субстанция духа, материализовалась в человеке и артисте настолько, что юродивый по Достоевскому — стал едва ли не миссией Смокуновского. В премьерные дни массовый исход из Москвы в Питер. Билетов на «стрелу» не хватало, не то что мест под люстрой БДТ.

Слава едва поспевала за ним. Мышкин у Товстоногова, Гамлет у Козинцева, «Девять дней одного года» с Михаилом Роммом и «Берегись автомобиля» с Эльдаром Рязановым принесли ему такую популярность, которая не нуждается в государственных векселях. Звание народного артиста, Ленинская премия всего лишь зафиксировали признание миллионов зрителей, признание в профессии.

Достоевский и Чехов на сцене и в кино помогали Смокуновскому, а Смокуновский помогал им оставаться

ся в вечности. «Актёр обдуманного внутреннего вдохновения... у него дар: внешнее делать внутренним и внутреннее осторожно, деликатно выражать вовне», «у него грандиозная интуиция» — теоретики, не только критики пытались открыть тайны Смокуновского. «Он постоянно пребывает где-то внутри себя» и потому то, что происходит, что мы наблюдаем и слышим, лишь часть того, что в нем еще есть... Отсюда эта почти мистическая неисчерпаемость как для зрителей, так и для режиссеров. Он работал с Анатолием Эфросом и Андреем Тарковским, с Михаилом Капатовым, Михаилом Швейцером, Андреем Кончаловским, с Ефремовым и Долиным на сцене МХАТа. В нем было нечто моцартианское, внутреннее изящество: и в его Мышкине, и в автомобильном воре, и в Гамлете, и в Федоре Иоанновиче, и в Иванове, и в Иудушке Головлеве, и в гениальном чудаке Иване Модестовиче. Он играл Моцарта в экранизации оперы «Моцарт и Сальери», а спустя годы играл в «Маленьких трагедиях» Сальери и Барона. Все великое в литературе находило в нем понимание, и все, что делал он, становилось близким и понятным миллионам его современников.

Он работал во многих театрах — провинциальных, затем в столичных. Его последним театральным домом был Московский художественный театр (с 1976 г.). И еще в этом сезоне публика имела радость видеть Иннокентия Смокуновского с Олегом Ефремовым в спектакле «Возможная встреча». Трудно сказать, сколь по-

хожи были их герои на Баха и Генделя, но суть художества, творчества была тут несомненна.

В одном из последних интервью Иннокентий Михайлович сказал: «Нельзя победить роль, не отправив в нокаут собственное сердце».

В глубокой печали мы знаем сегодня, что это так, подлинно так.

Должно быть, телевидение предложит зрителям ретроспективу фильмов Смокуновского. И может быть, она начнется с фильма «В четверг и больше никогда». Его герой Иван Модестович — ученый чудаков, влюбленный старик, душой моложе молодых... И мы увидим, что и семьдесят не годы, что талант остается жить.

Нинель ИСМАИЛОВА,
«Известия»